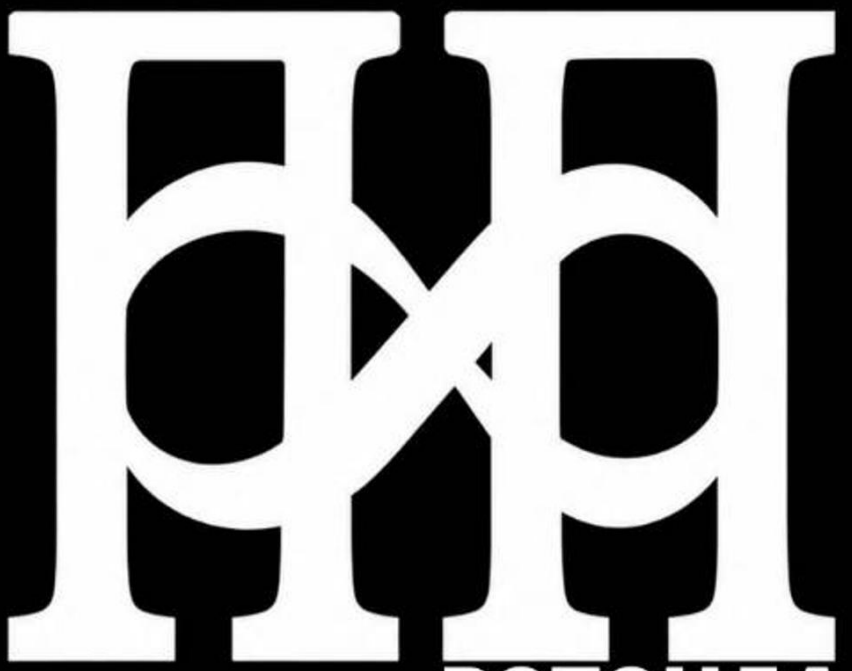

РОТОНДА

Дмитрий Последний

ПП: Ротонда

«Автор»
2026

Последний Д.

ПП: Ротонда / Д. Последний — «Автор», 2026

Санкт-Петербург, 2198 год. Астероид Бенну упал шестнадцать лет назад, и почти все, кто выжил, давно живут за городской чертой, в специальных лагерях. Город достался Извергам. Кто они такие, не знает никто.Пятеро Белых, замотанных в бинты от ладоней до локтей, идут из подвалов Зимнего дворца к Ротонде, месту, о котором шепчутся слишком давно. Их ведёт проводник из общины «Апостол», весёлый Адмирал, который знает Питер лучше любой карты. Дорога считается безопасной.Утром в отряде на одного человека меньше.«ПП: Ротонда» — рассказ из цикла «Истории Праведного Пути». Читается отдельно от основного сюжета.

© Последний Д., 2026
© Автор, 2026

ПП: Ротонда

АКТ I

Этот вечер мне запомнился целиком. Каждую шутку, каждую банку тушёнки, каждую искру из бочки. Потом я много раз пытался найти в нём трещину, хоть одну примету, хоть один взгляд с двойным дном, и не находил. Тогда нам было просто хорошо. Я до сих пор не понимаю, как такое может быть.

Мы встали на ночь на втором этаже бывшей аптеки. Внизу всё давно растащили: стеллажи, витрины, даже кафельный пол местами вскрыли до бетона. Наверху уцелела одна комната с целым окном.

Мы заколотили его фанерой, развели огонь в ржавой бочке и сели вокруг. Снаружи шёл дождь, ленивый, мелкий, и вода капала с крыши в подставленное ведро. Кап. Кап. Я поймал себя на том, что считаю эти капли. Свой нож, короткий, с рукоятью, перемотанной изолентой, я заткнул за пояс, как делал каждый вечер.

— *Нет, я вам скажу, как это выглядит со стороны,* — Петя ковырял ножом в консервной банке и говорил с набитым ртом, не заботясь, слушают его или нет. — *Идёт по Питеру пять человек, замотанных в тряпки с головы до ног. Идут цепочкой, молчат, у каждого лицо такое, словно он опаздывает на собственные похороны. И я думаю: ну всё, мумии. Откопали фараонов, ведут показывать. Я, между прочим, человек наблюдательный, я Адмирал, у меня глаз намётан. Если бы вы мне при первой встрече не дали своих банок, я бы вас сдал первому же патрулю как экспонаты.*

— *Мы не мумии,* — сказала Маша, не поднимая головы. Она перематывала бинт на запястье, туго, в три оборота, как всегда. — *Мы Белые. Бинты нам выдают, потому что чистой ткани в городе больше, чем белой краски. А мумиями нас зовут люди, которые ничего не понимают.*

— *Вот и я о том же!* — Петя ткнул ножом в её сторону. — *Люди ничего не понимают, а ты, Маш, обижаешься на них. Свят, тебе вот не обидно?*

Святослав сидел ближе всех к огню, подтянув колени. Совсем мальчишка: двадцать с небольшим, тёмные вихры торчат из-под повязки. Он что-то крутил в пальцах и не сразу поднял голову.

— *Мне нет. Мне вообще нравится. Мумия, это же значит, что тебя берегут. Замотывают, чтобы не рассыпался, понимаете? У нас дед так говорил про бинты: они душу держат. Пока на тебе чистая ткань, душа внутри. Я, когда на мосту гвоздь оставлял, подумал: хорошо, что я замотан. Река хоть и берёт плату, а меня не получит, я на пломбе.*

— *Гвоздь,* — тихо повторил Паша. Он сидел на корточках у стены, смуглый, с острым любопытным лицом, и в свете бочки его глаза казались двумя блестящими пуговицами. — *Скажи ещё раз, как это правило. Если не оставишь что-то своё на переправе, то чего?*

— *То река заберёт кого-нибудь из отряда. Не обязательно тебя. Просто кого-нибудь.*

— А откуда она знает, что ты оставил, а что нет?

— Паш, — Илья даже не поднял головы. *— Какая у воды память-то. Есть поверье, и люди из-за него осторожнее. Положил гвоздь, поверил, всем спокойнее. Банальная плата.*

Святослав улыбнулся и поднял руку. Между пальцами блеснуло что-то мелкое, металлическое.

— У меня ещё один есть. Ну, на крайняк.

Все рассмеялись, и я тоже. Помню, как смех гулко отдался в пустой аптеке, как дрогнул огонь. Помню, как Петя швырнул в Святослава пустой банкой и промахнулся. Мне было тепло. Только руки почему-то мёрзли, хотя я держал их над самой бочкой.

— А про Тихих вы, значит, не слыхали, — сказал Петя, и по тому, как он отложил нож и подался к огню, я понял, что сейчас будет представление. Он любил такие минуты. Лицо у него менялось: шутовство уходило, оставалась мягкая, почти ласковая улыбка. С такой улыбкой сказки вряд ли рассказывают. *— Ну вот. Это не мои выдумки, это мне Рондо рассказал, а ему рассказал человек, который лично ходил. Идёшь ты, значит, по улице. Один или с отрядом, неважно. Идёшь и слышишь, что шагов стало на один больше. Не то чтобы громко. Ровно так, чтобы ухо заметило, а голова отмахнулась: показалось, эхо. А это не эхо. Это идёт кто-то рядом, на расстоянии вытянутой руки, и шаг в шаг с тобой. Подстраивается. Дышит, когда ты дышишь. Изверг, понимаете? Но не такой, как те, что в вентиляции воют и просятся наружу. Эти умнее. Эти ждут. И правило у них одно: пока не оглянешься, они ничего тебе не сделают. Идут и идут, как верная собака. Может, километр, может, весь день. А как только повернёшь голову и увидишь его лицо…*

Он замолчал. Бочка потрескивала. Дождь за фанерой на минуту стих, и в этой тишине я отчётливо услышал, как внизу, в разорённом зале аптеки, что-то тихо хрустнуло. Стекло, подумал я. Битое стекло под чьей-то осторожной подошвой.

— …то что? — шёпотом спросил Паша.

— То ничего, — Петя пожал плечами и сам же расхохотался. *— Я так и не выяснил. Рондо говорит, никто не возвращался рассказать. Зато вывод хороший: идёшь по городу, слышишь лишние шаги, не оборачивайся и громко пой. Они, говорят, песен не любят.*

— Ты это сейчас придумал, — сказала Маша.

— Да ей-богу... клянусь тельняшкой!

— Нет на тебе никакой тельняшки.

— Вот именно, я её отдал в залог. Поэтому ещё и не могу соврать.

Святослав смеялся до слёз, закинув голову, и в этот момент его горло дёрнулось так живо, так по-человечески, что я зачем-то запомнил этот звук.

— Федь, а ты чего молчишь? — он повернулся ко мне, вытирая глаза запястьем. *— Ты у нас самый серьёзный. Скажи: если бы за тобой правда шёл Тихий, ты бы обернулся?*

Я посмотрел на огонь. На свои руки, туго обмотанные от ладоней до локтей… как у всех нас. Кроме Пети: он был просто нашим проводником. Под самым слоем бинта что-то привычно зудело, и я не стал чесать, чтобы не привлекать внимания.

— Нет, — сказал я. *— Не обернулся бы.*

— А чё так?

— Потому что если он идёт рядом, значит, я ему зачем-то нужен. А пока я не знаю зачем, я лучше пойду дальше.

Они засмеялись, решив, что это шутка. Один Илья посмотрел на меня чуть дольше, чем нужно, потом отвёл глаза и принялся шуровать в бочке палкой.

Несколько минут никто не говорил. Дождь скрёбся по фанере, огонь в бочке оседал и вздыхал, и по стенам медленно ходили наши тени, огромные, ломаные, и казалось, что нас втрое больше. Первым не выдержал Паша.

— Я всё про коридор думаю, — сказал он, не поднимая глаз от рук. *— Про тот, где мы днём шли. Столько лет живу в этом городе и не знал, что под железной дорогой целый дом. С комнатами, с дверями. И в каждой хоть кто-то, но есть.*

Днём мы спустились в подземный переход, бетонную кишку метров в сто, где по обеим стенам тянулись ржавые решётки, а за ними бывшие подсобки и склады. Света не было. Петя вёл нас вдоль левой стены, шепча, чтобы мы не светили фонарями и не дышали громко. Изверги, сказал он, полуслепые, но слышат, как собаки. И правда: из-за решёток доносился звук, который я не сразу сумел назвать, потому что он был слишком обыденным для этого места. Так дышит человек во сне, когда ему снится дурное: тяжело, со всхлипом на вдохе. Только дышали не один и не двое. Их было много, и дышали они вместе. На прутьях, там, где свет из дальнего выхода доставал до железа, виднелись длинные борозды. Кто-то годами проверял решётки на прочность, понемногу, каждый день. И ещё были ботинки. Вдоль стен, у самых решёток, стояли детские ботинки, сандалии и кеды, аккуратно, парами, носок к носку, как стоят у порога перед сном. Десятки пар.

— Чьи они, Адмирал? — спросил Паша. *— Кто их ставит?*

Петя перестал улыбаться. Несколько секунд он молча смотрел в огонь, и лицо у него стало старше.

— Родители, — сказал он наконец. *— Мне Рондо рассказывал, а он знал человека, который каждую неделю туда ходил. Когда ребёнок заражается, его запирают, потому что больше некуда: домой нельзя, на улицу нельзя. Сначала он ещё говорит. Плачет, зовёт маму, просит пить. Мама стоит у решётки и держит его за руку сквозь прутья. День, два, неделю. А потом наступает вечер, когда он перестаёт звать и только дышит и смотрит. Тогда она ставит у решётки его обувь. Аккуратно. Чтобы было во что обуться, когда он выздоровеет.*

Они все верят, что выздоровеют, Паша. Это единственное, во что там ещё верят. Поэтому они и шепчут «тёплые». Ты думаешь, это про свежее мясо? Нет. Для них тёплое значит живое, значит родное. Они ждут, что кто-то придёт и скажет: пойдём домой, всё прошло. Я бы на их месте, наверное, тоже шептал.

Было слышно, как в ведре капает вода.

— Мне одно слово сказали, пока я проходила, — тихо сказала Маша, и пальцы её замерли на бинте. *— Я не разобрала какое.*

— Они всё время что-то говорят, — отозвался Святослав. Он зевнул, чтобы не сказать лишнего. *— Главное не отвечать. Ответишь, и ты для них участник разговора. А участников они не отпускают.*

Я промолчал. Слово, которое сказали мне, было другим. Короче, чем у Маши. Его сказали чисто и спокойно, как здороваются со знакомым на улице. Лицо у решётки было серое, как мокрая бумага, а глаза затянуты белёсой плёнкой, и повернулось оно именно ко мне. Я шёл, смотрел под ноги и считал шаги, а слово скользило по спине, как холодная капля за воротник. Никому из них я его не повторил. И не собирался.

— Но самое интересное случилось потом, — Петя встряхнулся, как мокрая собака, и в голос вернулась обычная звонкая бодрость. *— На мосту. Вы же, мумии мои, в воду не смотрели. Ни один. Я за вами следил, у меня опыт, я на трёх мостах людей проверял. Первый всегда косится вниз, хоть на секунду. А вы шли по самой середине, будто мост минный. Пятеро взрослых людей, один за другим, с глазами в небо.*

Канал мы увидели, как только вынырнули из перехода на свет. Вода в нём была не серой и не зелёной, как у любой старой городской воды. Она была чёрной, густой и непрозрачной, и не отражала ни неба, ни ржавых перил моста над собой, а только делала вид. Стояла так неподвижно, что казалась асфальтом. Ни одной птицы над ней, даже ворон. Петя тогда сказал, что чёрная вода показывает скрытое: заглянешь в неё и увидишь не своё лицо, а то, что прячешь от себя. Илья ответил, что это нефть и мазут от заправок, плёнка толстая, оттого и не колышется. Мы согласились с Ильёй, а вниз никто не посмотрел.

— Мы не любим глубину, — быстро сказал Илья.

— У меня морская болезнь, — отмахнулся Паша.

— Я просто не умею плавать, — сказала Маша.

— А мне нефть противна, — Святослав подмигнул, и вышло это у него чересчур легко, словно отрепетировано. *— Эстетически.*

Петя улыбнулся так, что слёзы выступили.

— Эстетически! Вот это отряд! Ладно, молчу. Зато я поглядел. Адмирал, тельняшка в залоге, терять нечего. И знаете, что я там увидел?

Он выдержал паузу, оглядел нас по очереди, и мы подались к нему.

— Себя. Только с усами. Красавец! Теперь я знаю, что мне надо отрастить. Вот вам вся мистика...

Мы грохнули хохотом, и Святослав, согнувшись пополам, бил ладонью по колену. Потом смех угас, как гаснут искры над бочкой, и Петя, потирая шею, добавил уже тише, будто и не нам:

— Правда, когда мы с моста сходили, мне показалось, что по воде за нами шла полоса. Ровная, прямая, как от лодки. Только лодки не было… Да не, ерунда, плёнка колыхнулась. Забудьте.

Никто не забыл. Но никто и не стал спрашивать. Потом мы допили чай и пересчитали патроны. Илья, как перед каждым сном, обошёл нас с лампой и проверил бинты: каждому запястья, шею, край повязки у горла. В Зимнем так делали перед каждым выходом. Одно тёмное пятно на ткани, и разговор у печи, после которого человека больше никто не видел. Петя называл это «санитарной проверкой» и каждый раз отворачивался. Лампа задержалась на моей руке на секунду дольше, чем нужно. Илья ничего не сказал и пошёл дальше. Проверять самого Илью никто не пробовал. Потом мы долго спорили, кому достаётся первая вахта. Святослав вытянул длинную спичку и с театральным стоном повалился на матрас, закинув руки за голову.

— Спокойной ночи, Федя, — сказал он, уже зевая. *— Если что, у меня гвоздь под подушкой.*

Я лёг к стене. Снаружи дождь пошёл снова, ровный и ленивый. Кап. Кап. Где-то внизу, в мёртвом зале аптеки, прокатился по полу камешек, и я решил, что это крыса. Я насчитал сорок три капли. Сорок четвёртая не упала. Я ещё успел подумать, что дождь кончился, и уснул, так и не услышав ничьих лишних шагов.

АКТ II

Я проснулся от тишины.

В ушах стояла такая пустота, что я сначала подумал, будто оглох. Дождь кончился. Ведро в углу больше не отсчитывало капли, бочка остыла, и в комнате пахло золой и сырым бетоном. Сквозь щели в фанере сочился серый свет, плоский, без теней, и всё вокруг казалось нарисованным углём на мокрой бумаге. Петя сидел посреди комнаты на корточках. Он держал вахту последним и теперь не двигался, только смотрел перед собой, и по тому, как он смотрел, я понял всё раньше, чем повернул голову.

Матрас Святослава лежал у противоположной стены. Одеяло было откинуто на одну сторону аккуратно, как откидывают, чтобы встать. Подушка сохранила вмятину. Рядом стояли его ботинки, зашнурованные, носками к стене, рядом лежал рюкзак, а поверх него автомат, с которым он не расставался даже в нужнике. Я наклонился и коснулся простыни. Она была холодной. Ледяной, как камень в погребе: на ней никто не лежал много часов. А там, где под подушкой должна была быть его рука, из доски торчал гвоздь. Прямо, глубоко, по самую шляпку вогнанный в старое дерево. Я пытался представить, чем его можно было так вбить. Молотка у нас не было...

— Я его видел в пять, — сказал Петя. Голос у него был чужой, плоский. *— Я за вами всеми смотрел, я Адмирал, я привык. Встал, обошёл комнату, постоял над каждым. Он лежал. Дышал. На боку, лицом к стене. Я ещё подумал: вот сопит, паразит, как младенец. Потом сел на место. Дверь на виду, окно на виду. Я не спал, Федя, я не мог уснуть, я клянусь... А в шесть встал снова, и его нет!*

— Дверь? — Илья уже стоял на ногах, и лицо у него было такое, какого я ещё не видел: без всякого выражения, как у человека, которого заставили считать в уме.

— Стул под ручкой, как мы поставили. Лестница, пыль. Я сам вчера на ней наследил, помните? Следы мои и ваши. Больше ничьих. Окно заколочено. Пол…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.